
КАК ПРИРУЧИТЬ
ФУТБОЛИСТА
или МАМА НА ЗАМЕНУ
Милана Фирс

Милана Фирс

Мама на замену. Как приручить футболиста

«Автор»
2026

Фирс М.

Мама на замену. Как приручить футболиста / М. Фирс — «Автор», 2026

— Может бабушку попросим? — Лиска с сомнением пожевала губешку, глядя на свое отражение в старом, потертом зеркале. Один хвост у нее торчал где-то на затылке, а второй под ухом. Оба растрепанные, как будто я не бился над ними последние пятнадцать минут! Как будто не ноги у меня из жопы, как тренер говорит, а руки.— Бабушку не попросим, — строго отрезал я. — А петухов сколько, — протянула дочь с тоской. — Вот же. Петух. И вот и ещё— Да понял я, ну!— Так пойдешь. Давай-ка опаздываем уже. — Я подхватил дочкин пакет со всякими шмотками, сунул ей в руки любимую корову и потащил к машине.— Думаешь она добрая? — спросила Лиска, бодрая меня коровой в локоть.— Корова твоя?— Воспитательница!— А вдруг нет?Я пригнулся, чтобы пристегнуть Васькин ремень и получил коровой по голове.— Можешь ей тогда сказать, что твой злой папа футболист придет и будет ругаться очень громко.Василиса обняла корову и тихо уточнила:— Как с мамочкой?

© Фирс М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Милана Фирс
Мама на замену. Как приручить футболиста

Глава 1

— Может бабушку попросим? — Лиска с сомнением пожевала губешку, глядя на свое отражение в старом, потертом зеркале. Один хвост у нее торчал где-то на затылке, а второй под ухом. Оба растрепанные, как будто я не бился над ними последние пятнадцать минут! Как будто не ноги у меня из жопы, как тренер говорит, а руки.

— Бабушку не попросим, — строго отрезал я. С матерью мы так и не помирились. Моя бы воля и будь выбор, я бы и не приезжал сюда, но пока жду суда и развода адвокат советовал залечь на дно и вместе с дочерью где-то тихо-мирно переждать бурю.

Он же настоял на варианте с деревней. Мол, для суда будет аргумент, что женщина в доме есть. Если что присмотрит за дочерью.

Ага как же.
Может она бы и присмотрела, конечно… если бы я попросил. Но я не стану.

— А петухов сколько, — протянула Васька с тоской. То ли супа хотела, то ли погладить. Живность она любила и потому поездку в деревню воспринимала с восторгом. Про развод я ей пока не сказал. Ну зачем ей в пять лет такие подробности? Почему мы с бабушкой никогда до этого не виделись тоже не сказал. И почему не разговариваем тоже… короче ничего я ей не сказал. Только, что погостили тут какое-то время вдвоем пока у меня отпуск от игр и тренировок.

Василиса с детства привыкла, что мама и папа постоянно куда-то срываются, так что даже не удивилась, что мы уехали и маму с собой не взяли. Решила, что мамочка снимает какую-то важную рекламу для своего блога. Где-то на Бали.

Я выглянул в окно:
— Да нету тут никаких кур, не придумывай. Лишь бы в сад не идти, да?

Дочка ткнула пальчиком в торчащий колтун:

— Вот же. Петух. И вот… и ещё…

— Да понял я, ну!

Кто бы мог сказать, что девчачьи хвосты крутить сложнее, чем бить решающий пенальти! И судья суровый, как льды Антарктиды.

Обычно хвостами и прочими сборами занималась жена или няня. Но няню адвокат не советовал. Сказал надо суду доказать, что я сам справляюсь с обязанностями отца без посто-

ронних людей. Мол, вот бабушка это хорошо — это семейные ценности, присяжные такое любят. А няня это признак, что на дитя болт поклали.

Я снял со светлых Лискиных волос резинки и убрал в карман. Лучше бы в ее, но кто ей там будет косички делать? Как будто я не знал, что всем плевать. На все, кроме денег. Прям как Лильке. Жене моей.

Я посмотрел на дочь и улыбнулся. Сильно Лиска на мать свою похожа, всё-таки. И глазами, и цветом волос. И характером. Считает себя королевой. Разбаловали мы ее, походу. Особенно я. Наверное, тесть прав и это была попытка извиняться за вечные отсутствия. Покупать прощение. Так это назвала жена.

— Так пойдешь. Давай-ка опаздываем уже.

Я подхватил дочкин пакет со всякими шмотками, сунул ей в руки любимую корову и потащил к машине.

— Думаешь она добрая? — спросила Лиска, бодрая меня коровой в локоть.

— Корова твоя?

— Воспитательница!

— Ну наверное. Зачем бы она выбрала эту работу, если детей бы не любила? — соврал я. Ну не сказать же, что в систему образования идут сейчас разве что от любви к бюрократии и бумажкам.

Я открыл дверь и запустил дочь внутрь. Лиска забралась в кресло вместе со своей коровой.

— А вдруг нет?

Я пригнулся, чтобы пристегнуть Васькин ремень и получил коровой по голове.

— Можешь ей тогда сказать, что твой злой папа футболист придет и будет ругаться очень громко.

Василиса обняла корову и тихо уточнила:

— Как с мамочкой?

Я сел на водительское, крепче сжал руль и вдавил педаль газа, ничего не ответив.

Заведующая сказала завтрак у детей в 8.30, на часах 8.45

Жёлтая карточка тебе Аркелов!
Первые сутки отец одиночка, а уже по всем пунктам проштрафился.

Глава 2

Я как раз пыталась объяснить Мишке Воробьеву, что песок из песочницы не десерт, и вытаскивала у него изо рта очередную горсть, когда на площадку примчалась запыхавшаяся Тамара, наша нянечка.

— Варенька! — прохрипела она, хватаясь за сердце. — Там... там новенькая приехала!

Я отряхнула руки от песка и вздохнула. Понятное дело, вся деревня уже знает.

Еще вчера, когда Римма Васильевна, наша заведующая, показала мне личное дело, я чуть не поперхнулась чаем.

Василиса Станиславовна Акелова.

Акелова, мать твою за ногу!

— Тамара Петровна, вы как будто марафон бежали, — покачала я головой. — Это же ребенок, а не инопланетянин какой.

— Да какой ребенок! — замахала руками нянечка. — Это же... его дочка! Того самого! Стасика нашего!

Стасик. Ну да, конечно.

Только мне он теперь Станислав Акелов, звезда футбола, миллионер и красавчик, которого вся страна обожает. А когда-то дергал меня за косички и называл Толстопузой Варькой.

— Дети, минуточку внимания! — громко объявила я группе. — Сейчас к нам придет новая девочка. Давайте покажем, какие мы дружные и веселые!

Машка Сомова тут же подскочила:

— А правда, что у нее папа футболист? А у него много денег? А он красивый?

Боже мой. Пятилетки уже в курсе всех сплетен...

— Машенька, главное не то, кто у кого папа, а то, какой сам человек, — назидательно произнесла я, хотя сама нервно поправила футболку.

Хорошо хоть сегодня надела приличную. Не ту, на которой написано: я не толстая, я пушистая. Хочешь, буду твоей киской?

Хотя, может, именно она сейчас и пригодилась бы для уверенности в себе.

— Варенька, — шепотом подлетела Тамара, — а ты его помнишь? Он же с тобой в одном классе был!

Помню ли я?!

Еще бы не помнить. Стас Акелов был мечтой всех девчонок в школе. Высокий, спортивный, с улыбкой, от которой коленки дрожали. А я... я была круглой отличницей с толстыми косами и еще более толстой жо... назовем это жизненной позицией, которая втайне была в него влюблена по уши.

— Тамара Петровна, займитесь лучше детьми, — буркнула я, чувствуя, как краснеют щеки. — А я схожу знакомиться с новенькой.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Ну что ж, Варвара Корытова, пора показать класс. Даже если этот класс — толстушка-воспитательница в провинциальном детском саду, которая так и не вышла замуж и живет с двумя котами.

Зато у меня есть чувство юмора и дети меня любят. А это, между прочим, тоже кое-что значит.

Дверь в группу была приоткрыта. Я заглянула внутрь и обомлела.

Посреди игровой комнаты стояла крошечная девочка с растрепанными волосами. Волосы были светлые, пушистые, и явно кто-то очень старался их причесать, но результат получился... скажем так, творческий.

В руках у девочки была плюшевая корова размером почти с нее саму, а на лице — выражение растерянности и легкой обиды.

— Привет, — осторожно сказала я, входя в комнату. — Ты Василиса?

Девочка кивнула и крепче прижала к себе корову.

— Меня зовут Варвара Петровна, но все дети зовут меня просто Варя, — я присела на корточки, чтобы быть на одном уровне с ней. — А ты?

— Лиска, — тихо ответила она. — А еще Васька. Папа меня так называет.

— Красиво очень, — улыбнулась я. — А это кто с тобой?

Девочка подняла корову:

— Это Молочка. Она добрая, но иногда бодается.

Я ахнула и схватилась за грудь:

— Ой, как страшно! А сильно бодается?

Лиска хихикнула:

— Не-е-е, она же плюшевая! Вот смотри! — И ткнула мне коровой в живот.

— Ой-ой-ой! — театрально закричала я и упала на попу прямо на ковер. — Убили корову! То есть корова убила!

Василиса разразилась смехом:

— Варя, ты смешная! И точно как Молочка, толстенькая!

О. Прямолинейность семейная черта, видимо.

— Да уж, толстенькая, — согласилась я, поднимаясь с пола. — Но зато мягкая, как подушка. На мне удобно спать. И обниматься.

— А можно проверить? — глаза у девочки загорелись озорством.

— Можно, но осторожно. А то если я лопну, то из меня посыплются конфеты, и их всех съедят другие дети.

— Правда конфеты? — недоверчиво спросила Лиска.

— Ну... почти правда. Во всяком случае, я очень на это надеюсь. Так, а что у нас с волосами?

— Папа очень старался, но получилось как у петуха, поэтому мы решили с распущенными пойти.

— Знаешь что, Лиска, — сказала я заговорщицки, — а давай мы тебе новую прическу сделаем? У меня есть волшебные резинки!

— Волшебные? — глаза девочки стали круглыми.

— Конечно! Они умеют делать из торчащих волос красивые хвостики. Только им нужно сказать волшебные слова.

— Какие слова?

— Резинка-резинка, не подведи, красивые косички, ну прям как у Эльзы мне заплети! — торжественно произнесла я.

— Как у Эльзыыы? — ее глаза загорелись.

— Да, поворачивайся.

Я принялась за работу, но мне внезапно прилетел контрольный вопрос. В семейном, Акеловском стиле. Совершенно бестактный.

—- Варя, а ты знала моего папу?

— Знала, — честно ответила я. — Мы в школе вместе учились.

— И он тогда тоже был красивый?

— Очень красивый, — улыбнулась я. — Все девочки в него влюблялись.

— И вы тоже?

Детская непосредственность иногда бьет прямо в сердце.

— И я тоже, — призналась я. — Но это было очень давно, когда мы были молодыми.

— А теперь вы уже не влюблены?

— Теперь я влюблена в свою работу и в таких замечательных детей, как ты, — дипломатично ответила я.

Василиса задумчиво покачала головой:

— Папа говорит, что любовь — это очень сложно.

— Иногда сложно, — согласилась я. — А иногда очень просто. Вот я тебя уже полюбила, и это было очень легко.

— Правда? — просияла девочка.

— Правда. А теперь пошли знакомиться с другими детьми, я закончила.

Глава 3

За неделю до этого

— А вот и предложение от ирландцев, — Я потянулся к большому конверту на столе нашей “штаб-квартиры". На самом деле всего лишь комнатушка рядом с переговорной у тестя в здании, но мне нравилось иметь “свой" кабинет.

— Странно, адреса нет… — поднял взгляд на своего менеджера и по совместительству лучшего друга Макса. Мы ждали этого предложения почти год. Я давно хотел свинтить в лигу повыше. За статусом, деньгами и лучшей жизнью. Позиция зависимости от тестя душила меня с первых дней, но вырваться из сетей этого богатенького Карабаса никак не удавалось и с каждым днём я все больше чувствовал себя Буратиной. Ирландцы были моим золотым ключиком.

— Может Инесса сняла верхний пакет, чтобы проверить содержимое? — предположил Макс, глядя как я вскрываю пухлый пакет.

Зачем бы ей?

Очень странно, конечно.

Главное, что на электронной почте ничего не было… я же проверял утром. Да что там, каждую свободную минуту проверял. Так ждал это письмо счастья.

Странные эти иностранцы. Да и хер бы с ними, лишь бы платили и качали мой статус. В своей команде мне уже душно… я знаю, что могу больше, знаю, на что способен, чтобы ни говорил Лилькин отец.

Внутри конверта оказались не бумаги, а… фотографии.

Моей жены.

С какими-то мужиками.

Быстро перелистав, я насчитал аж пятерых разных. С некоторыми Лилька просто сидела в кафе. Подумаешь, велика важность. Что в наше время в этом такого, не в девятнадцатом веке живём. Но с двумя открыто сосалась средь бела дня.

Какого хрена, спрашивается?!

Может, сфабриковано?

Искусственный интеллект и все такое. Сейчас что угодно можно нарисовать.

Я кинул фотки на стол и они рассыпались, как игральная колода между мной и Максом. Как раз самой красочной картинкой сверху.

Макс потянулся и взял ту, где моя жена буквально жрет чужого мужика.

Тишина, как перед пенальти...

Я все ещё уверяю себя, что это дурная шутка кого-то из недоброжелателей. Или, может, фанатов, мечтающих, чтобы стал свободным, а не женатиком с дитем.

— Думаешь, сфабриковано? — наконец, спросил я.

Макс пожал плечами. Как-то скупо. Подозрительно неловко.

— Говори.

Отвел взгляд куда-то на город у меня за спиной в большом панорамном окне. Преимущество офиса на высоких этажах. Весь мир у твоих ног. Очень в стиле моего тестя. Он всегда так и говорил: я владею миром, а ты песчинка.

Так я сейчас себя и ощущал.

Песчинкой.

Куском грязи на подошвах Лильки, ее бати и вот этих вот. Кто они вообще?! Ни одной рожи не знаю. Может и хорошо это, как раз.

— Ты же знаешь, что она мне никогда не нравилась…

Я гыкнул:

— Ну, то есть, можно не волноваться, в числе этих, — Я кивнул на стол с фотками — тебя нет?

— Ты дебил что-ли совсем?! — обиделся Макс и с отвращением кинул фотку обратно в кучу. — Жена твоя всегда любила внимание и восхищение. Она и тебя-то держит при себе потому что ты это внимание и восхищение. И зависть.

Это правда. Лилька унаследовала от отца жажду быть правителем всего мира. Вселенной, где твои ноги лижут миллионы подданных.

У нее и блог свой был. Миллионник как раз.

Куча восторженных баб, мечтающих быть как она и мужиков, сто пудов дрочивших на ее почти голые буфера в вырезах до пупка.

Я ей никогда не запрещал. Ну хер бы я клал на тех, кто руки об себя потер. А тут оказывается об мою жену трут.

Спокойно, Стас...

Помни про искусственный интеллект и все вот это.

Всё ещё может оказаться тупым приколом. Может даже, чтобы выбить тебя из седла перед важной игрой.

Через два дня мы летим играть дружественный матч в какую-то чахлую провинцию Индии. Но это будет важная показательная встреча. Ирландцы точно будут смотреть. Я должен снести им башку своим выступлением!

А тут вот. Мне снесли.

Прямо в самую середину ворот, твою мать.

— Что будешь делать?

Я отвернулся к Максу спиной и подошёл ближе к окну. Разглядывать шумный город снизу не помогало успокоиться. Мысли носились в голове, как дорогие тачки по автостраде. Двести по встречке, мать ее.

Что я буду делать?

Что?

Я потёр загривок. Вопрос Макса кусал шею.

Если бы Макс не видел это, я бы мог сделать вид, что тоже не видел. Сейчас мне скандалы ни к чему…

Получу контракт, улечу в Ирландию…

Сниму с себя наручники и сорвусь с подводка Михаила Сергеевича. Потом пошлю его дочурку на…

Но Макс видел, и если я промолчу, буду в его глазах тряпкой.

Ладно бы только в своих. А тут… когда знают двое уже не тайна.

Да и этот отправитель. Темная лошадка. Хер его знает, что дальше. Шантажировать будет? В прессу отнесет?

Твою мать как не вовремя!

— Спрошу у жены прямо.

Я вернулся к столу и стал собирать фотографии обратно в конверт.

— Повод поужинать вместе дома, а не в шикарном ресторане.

Ещё не хватало выяснять отношения на людях. Может для Лилькиного блога такой хайп и тема, но для моей карьеры гвоздь в крышку гроба.

— Наберешь? — неуверенно уточнил Макс.

— Ты наберёшь. Если Ирландцы раздуплятся.

Глава 4

— Ничего не хочешь мне сказать?

Фотографии на столе между нами казались теперь пропастью. Той, что ни перепрыгнуть, ни обойти. Гранд Каньон пустоты.

Внутри за весь день, пока ждал ужина что-то росло, набухало… я думал взорвется и я буду орать. Требовать объяснений, что-то выяснять. А на самом деле это нечто ядом сочится, травит меня хуже любого бухла и никотина, и никак не выходит наружу.

Удивительные существа люди…

Жена вот тоже.

Даже не выглядит удивленной. Несколько растерянной, но такой… в своем праве. Как будто ничего запрещённого не сделала. Уверена, что жёлтую карточку не дадут.

— А что я должна сказать?

И столько удивления в голосе.

И правда, что.

Что я ждал от нее?

Оправданий, что это неправда, что фальсификация и происки хейтеров? Того, что сам в голове надумал, чтобы ее обелить?

А она даже не попыталась. Не взяла в руки рассмотреть, что это вообще. Если бы впервые видела, то взяла бы. Ну хоть из любопытства.

После этого мне и слов было уже не нужно. Все стало ясно само собой.

Хотя, на самом деле было ещё до, а я трусливо цеплялся за соломинку. Потому что не хотел верить. Людям нравится врать себе.

Как любила говорить мать: звоночки-то были.

Были. Много.

Я, увлеченный своим футболом и карьерой, не замечал. Или не хотел замечать. Другие приоритеты. Дочь, жена. Все есть и можно спокойно расти. А вышло вот. Мы строили и строили, и нихера не построили.

Ваш карточный домик сдуло циклоном. Ха-ха.

— И что это значит? — Спрашиваю, а сам думаю: “Ну какой тупой вопрос. Мы же оба знаем, что это значит. Как будто не о чем спрашивать даже”.

Это значит, Стас, что ты рогоносец. Поздравляю.

Охереть.

Был бы толстый, с пузом, алкаш было б может не так обидно. Ну понял бы ее, наверное. А так-то что? Фанатки вот кипятком ссут. Не бухаю. Не курю даже! Спортсмен.

Что ей не хватало?

Хотел бы я знать.

Или уже нет…

Двадцать семь, а мир трескается уже во второй раз. Как-то рано.

— А ты что думал? Я тебя в лотерею выиграла? Это тебе джек-пот достался. Красивая, при деньгах. Все, что у тебя есть ты получил благодаря мне. А ты мне что дал?

Ого. Как мы заговорили-то.

Что я дал... И правда. Что? Дочь она мне дала. Это же так считается с биологической точки зрения. Путевку в большой футбол папка ее подарил.

А я, что взамен? Только себя? Верность эту доисторическую. Ни одной фанатики и сотрудницы не трахнул за все сборы-поездки. Думал, ну блин, женатый же человек. Надо соответствовать.

А она вот и не думала соответствовать.

Охереть.

Я собрал фотографии обратно в пакет:

— Отдам адвокату, пусть прикрепит к делу.

— В каком смысле? — как будто даже удивилась. Ну правильно. Я тоже удивляюсь. И ей, и себе. Прямо шоко-день.

— В том, что на развод я подаю. Не ясно разве?

— Что? — брови свои идеальные выгнула дугой и с такой насмешкой на меня смотрит, как будто сказал, что земля плоская, а столица Америки Москва. — И куда отправишься? В свой Мухосранск, мамочку молить дать пожить под крылышком, в вашей хибарке на краю света?

С матерью мы не разговаривали больше десяти лет. Вообще. Совсем. После того скандала, с которым я из дома уехал.

Надо же было напомнить!

В груди неприятно заныло.

Я вспомнил как тряслись от волнения руки:

— Мам, мне девушка нравится, можно приведу знакомиться?

— Приводи, сынок. Я только рада буду.

Ну я и привел. И мир рухнул.

— Я запрещаю тебе, Стас! — мне кажется, я вообще мать такой категоричной не видел никогда. — У вас что-то было? — мать схватила меня за плечи и стала трясти, как яблоню в сентябре.

— Ты чего, мам. Она хорошая правда…

— Отвечай! Ты спал с ней?! — А лицо бледное, как полотно.

— Да не спал я с ней! Не целовались ещё даже!

Мать с облегчением разжала пальцы.

— Она твоя сестра…

— В каком смысле сестра?

Помню, как сел на стул. Ноги не держали.

— Сводная. Это вторая семья твоего отца.

— В смысле…

Отец умер три года как, а у Верки живой.

— Твоего настоящего отца, Стас. Я была беременная, когда узнала, что он женат и… не сказала ему ничего. Вышла замуж за Илью.

Вышла замуж. Беременная.

В голове стучало. Тот, кого я всегда считал отцом, мне не отец. А девушка, которая мне нравится моя сестра.

Я мотнул головой, возвращаясь в реальность.

— Как много ты о себе думаешь, Лиля. Не переживай. Как-нибудь проживу. Ноги руки, голова есть. Не подохну без вас с тестем.

Я поднялся. Больше ни минуты тут быть не хочу.

— Ну вали. Приползешь назад с повинной. Как только контракт тебе аннулируют в твоем клубе. Ни ноги, ни руки не спасут. Кроме того, я мать твоей дочери. Или ты ее бросишь, как тебя папашка? Дурная кровь даёт о себе знать?

Я еле сдержался, чтобы ей не вмазать! Так хотелось. Аж красная пелена перед глазами. Вместо этого вылетел пулей из дверей, хлопнув от души на прощанье. Вышел на осеннюю улицу и застыл.

Ну и куда теперь?

Что делать то?

Глава 5

— Что будешь делать?

Макс, как настоящий, друг любезно предоставил мне свою квартиру перекантоваться. Можно было бы и номер в гостинице снять, но журналюги точно прознают и будет шумиха. Понятно, что она и так будет, но раньше времени не хочу, чтобы задело Лиску. Нужно придумать, как ее максимально от всего этого уберечь.

Ночёвка у друга ни у кого не вызовет интереса. Тем более, всем и без того известно, что нас с Максом ещё и деловые отношения связывают. Нет ничего удивительного в том, что перед важным для моей карьеры матчем мы много времени проводим за обсуждением разных перспектив.

А перспективы безрадостные.

Я собрал со стола посуду и сгрузил в посудомойку. Дома у нас этими делами давно занималась уборщица, но Макс предпочитал “не шиковать" и банальные, как он их называл, рутинные дела выполнял сам.

— Где таблетки у тебя?

Друг махнул в сторону шкафа под раковиной. Я закинул таблетку в отсек и нажал кнопку включения.

Бытовые дела отвлекали. Кажется, я начинал понимать Макса. Вот такие рутинные задачи, простые и понятные, хорошо заземляют.

Вместо мыслей “что теперь делать" ты просто говоришь себе: “теперь надо нажать на кнопку посудомойки".

Это просто. Это выполнимо. Как будто ты всё ещё контролируешь ситуацию и владеешь главным пакетом акций своей жизни.

На самом деле я владел лишь половиной.

Вторая была у жены. Это касалось двух самых важных аспектов в моей жизни: дочери и карьеры.

И то, и другое не принадлежало мне всецело. И теперь висело на волоске, а я ощущал себя марионеткой в руках тестя и жены.

Докатился, Акелов.

— Подам на развод, — с решимостью куда большей, чем внутри, ответил Максу. Мы перешли в гостиную. На журнальном столике перед белым диваном всё ещё лежал тот конверт с фотографиями.

— И что?

Макс включил подсветку. Ремонт ему делал какой-то именитый мужик из мира дизайна. Вся квартира сплошной клинсимпл и хай-тек. Красиво, но на мой вкус слишком стерильно и выпендрёжно.

Я представил, как приведу в такую дочь и все вокруг мгновенно покроется толстым слоем игрушек, карандашей, важных мелочей, резиночек и браслетиков.

От одной мысли застучало в висках.

Решимость забрать Лиску не поблекла, но понимания, как все это совмещать с карьерой пока не пришло.

Понятно, что няня и домработница нам точно нужны. Не понятно, как убедить судью, что я кандидатура лучше, чем жена. Обычно детей ведь оставляют матери.

— Стас, я понимаю, ты…

— Да нихера ты не понимаешь, — буркнул я зло. Ну куда ему свободному, не обремененному никакими обязательствами. Вспоминаю, иногда, себя такого и думаю, ну какого черта дёрнуло так рано жениться? А ведь тогда думал повезло.

— Если сейчас бахнет скандал с разводом, плакали наши ирландцы, — Макс сел в кресло напротив большого окна. Зона на подумать. Так он ее называл.

— Как будто я не знаю.

— Ну, так может хер с ней? Погоди немного. Сейчас уедешь на матч, в глаза ее не увидишь. Потом перекантуешься у меня, пока ирлашки не подпишут бумаги и все — свалишь отсюда, забудешь как звали даже. Тогда и развод можно, и что хочешь.

Звучало, как хороший план.

Я бы, может, так и сделал если бы не… Лиска.

Контракт с Ирландцами будет предполагать переезд. Могу поспорить на что угодно: забрать дочь за границу мне не дадут. Ни судья, ни тесть.

— У меня дочь, — напомнил я Максу. Когда сам ещё не обзавелся детьми, совсем иначе смотришь на мир. Я тоже таким был. Все очень меняется с появлением ребенка. Ценности совсем другие, и уровень ответственности как до Плутона. Каждое решение принимаешь не только за себя. Очень давит морально.

— И что? Будет жить как жила. Няня, любой каприз. Будешь ей присылать плюшевых лепреконов на праздники и забирать погостить на Святого Патрика.

Ну да. Как все просто.

— Моя дочь не будет расти без меня!

Я так рыкнул, что сам от себя не ожидал.

Макс удивлённо выгнул брови. Так выгнул, что можно ведра вешать как на коромысло. Помню, у нас такое было...

Деревня у нас маленькая, глухая. Когда я мальчишкой совсем был крана во дворе не было, только колодец в конце улицы. Первую воду к дому провели, я уже классе в пятом учился.

— Да полстраны так растет, — возразил Макс. Куда ему понять…

— Да на здоровье, а моя дочь не будет. Чтобы она потом, как я в шестнадцать только узнала, что всю жизнь батей не того звала при живом-то отце?

Я снова вспомнил тот разговор с матерью. До сих пор не мог ей простить, что скрывала от меня. От отца, кстати, тоже.

— Ну ты сравнил. Ты же будешь ее навещать. Звонить, подарки присылать...

Я рассмеялся.

От нервов и безысходности, теперь осознавая четко, что карьера моя накрылась медным тазом развода.

— Так мне и дали! Я буду там, она тут. Лилька быстро накрутит ее, что папа не любит и бросил. Не даст пару раз трубку, заблочит мой номер и все — ребенок свято верит в новую правду.

Я хорошо знал жену. Она вполне могла что-то такое выкинуть. Просто из мести. На зло мне. И плевать, что это Лиске навредит тоже. Главное меня укусить побольнее. Дочь у нее тоже всегда была способом манипуляций.

— Знаешь что Макс, если выбирать между карьерой и дочерью, я выбираю дочь. И буду за нее бороться. Даже если все нажитое на адвокатов спущу, буду жилы рвать, чтобы ее со мной оставили. На что угодно пойду ради этого.

И после этих слов такая решимость внутри, как перед самым важным голом чемпионата. Стоишь, весь стадион замер. Страшно пипец, но внутри ты знаешь, что должен. И что не можешь подвести людей. Команду, фанатов.

Сейчас тоже самый важный год, только в тыщу миллионов раз важнее. Лиска на меня рассчитывает. И я не променяю ее ни на Ирландию, ни на светлое будущее.

— И что ты можешь противопоставить жене? У нее деньги, связи. А у тебя карьера как карточный домик. Турнут из клуба по ведению Ларина, на что ты собрался с дочерью жить?

Правдивый, холодный аргумент пришелся ударом под дых. Я сам об этом постоянно думаю с тех пор, как закрыл дверь квартиры. Все кручу в голове туда-сюда.

— Значит физруком в школу пойду. Как-то же выживают простые люди без золотой ложки в заднице... Я, если ты помнишь, из грязи выполз. Все детство перебивались с хлеба на воду и ничего. Справились как-то. Не безрукий, найду где заработать.

Лучше посоветуй к кому из адвокатов пойти? Понятно, что не к клубному, там всё куплено Лариным.

Глава 6

В половине седьмого вечера детский сад превратился в музей восковых фигур. Точнее, в музей одной восковой фигуры по имени Василиса Аркелова, которая сидела на крылечке и упорно вглядывалась в пустую дорогу, словно могла силой взгляда материализовать папин джип.

— Варя, а может он забыл? — тихо спросила Лиска, прижимая к себе Молочку. Корова за день успела побывать и доктором в больнице, и учителем математики, и даже космонавтом, когда мы изучали планеты.

— Не забыл, малыш. Папы не забывают своих принцесс, — соврала я бодро, хотя внутри уже начинали шевелиться сомнения.

Может, он действительно забыл? Или решил, что детский сад в деревне работает круглосуточно? А может, уехал в свою блестящую жизнь и… Стоп, Варя. Не проецируй на него свой негатив. Мало ли что могло случиться...

— А можно я ему позвоню? — пропищала Лиска, — с твоего телефона?

— У тебя есть папин номер?

— Конечно! Мамочка говорила, что его надо знать наизусть на всякий случай.

Какая умная мамочка. Жаль, что сама не удосужилась узнать о ребенке ничего за день.

Лиска продиктовала номер, и я набрала его на своем телефоне. Длинные гудки. Еще гудки. Наконец:

— Алло?

Ух. Этот голос. Как будто столько лет прошло, а пробирает до печенок и заставляет сердце биться как отбойный молоток. Только… сейчас в нем звучала усталость и какая-то настороженность. Ни следа бахвальства и превосходства красавчика.

— Здравствуйте, это Варвара Корытова из детского сада "Солнышко". Вы забыли забрать дочь, — я попыталась звучать максимально официально.

Пауза. Такая долгая, что я подумала связь прервалась.

— Простите, кто?

Ох. То есть он даже имя воспитательницы своей дочери не запомнил. Или забыл спросить. Отец года, ничего не скажешь.

— Варвара Корытова, — повторила я медленно и четко. — Воспитательница вашей дочери Василисы.

— А... да, конечно. Прости... простите. Я сейчас, буквально пятнадцать минут.

И связь прервалась.

Лиска с надеждой посмотрела на меня:

— Едет?

— Едет, солнышко. Сейчас папа приедет, и вы поедете домой.

Домой. Какое интересное слово. Слышала краем уха, что Стас живет теперь у матери, но точно не знала. Сплетни в нашей деревне распространяются со скоростью лесного пожара, но до меня доходят уже в искаженном виде, потому что я не из числа активных сплетниц.

Минут через двадцать за воротами послышался шорох шин, а еще парой минут на дорожке показалась знакомая фигура. Высокая, широкоплечая, с той же уверенной походкой, что и в школе.

— Папа! — завизжала Лиска и кинулась к нему, забыв про Молочку.

Я подняла брошенную корову и медленно пошла навстречу своему прошлому.

Стас поднял дочь на руки, и она обняла его за шею. Картинка получилась трогательная — большой мужчина и маленькая девочка. Он что-то шептал ей на ухо, а Лиска смеялась.

Потом он поднял глаза и посмотрел на меня.

Замешательство. Вопрос. А потом я увидела, как в его взгляде промелькнуло узнавание. Потом удивление. Потом что-то еще, что я не успела разобрать.

— Варя? — недоверчиво спросил он. — Толстопузая Варька?

Ну вот. Конечно. Первое, что он вспомнил мое школьное прозвище.

— Та самая, — улыбнулась я с видом человека, которого это нисколько не задевает. — Правда, теперь я Варвара Петровна.

— Ого… А в остальном все так же, да? — Он поставил Лиску на землю, и она тут же схватила его за руку. — Ты что, здесь работаешь?

— Нет, я здесь для антуража. Детский сад мое хобби, — не удержалась я от иронии. — Да, Стас, работаю. Воспитатель в группе твоей дочери.

— Папа, а Варя сказала, что вы вместе в школе учились! — сдала меня с потрохами Лиска, переводя взгляд с него на меня.

— Да-да, все так, — стало неуютно, если вдруг сейчас про красоту заговорит. Но Лиску понесло в безопасные воды.

— А папа был хорошим учеником?

Я посмотрела на Стаса, и в моих глазах определенно заплясали чертики:

— Папа был... особенным учеником. Очень активным.

— Это ещё что значит? — насторожился Стас.

— Значит, активно мешал учиться другим, — невинно улыбнулась я. — Помнишь, как ты запускал бумажные самолетики в Марию Ивановну? Или мелом пачкал стулья девчонкам?

— Хорошее было время, — без тени раскаяния протянул он.

— А еще папа очень любил дразнить девочек, — продолжила я, входя во вкус. — Особенно тех, кто носил косички.

— Варя... — предупреждающе протянул Стас.

— А тебя тоже дергал? — нахмурилась Лиска.

— Нет, он только красивых задирал.

Лиска возмущенно посмотрела на отца:

— Папа! Это некрасиво! Варя очень хорошая и добрая!

— Да, ты права, солнышко. Папа был невоспитанным мальчишкой, — согласилась я. — Но ничего, люди иногда исправляются.

— Все хватит! — возмутился он. — Лиска, собирай свои вещи.

— У меня только Молочка, — сказала девочка, забирая корову у меня из рук.

— И рюкзачок, — напомнила я. — Он в группе.

Лиска убежала за рюкзаком, и мы остались наедине. Повисла неловкая пауза.

— Слушай, а насчет сегодня… Я не забыл. Было много задач и я задержался в городе…

В его голосе прозвучала какая-то искренняя усталость, и мое желание ехидничать немного поутихло.

— Ничего страшного. Лиска очень хорошо себя вела. Правда, переживала, что ты не приедешь.

— Я приехал бы. В любом случае.

— Я знаю. Видно, что ты ее любишь.

Что-то в моем тоне заставило его внимательно на меня посмотреть.

— А что тебе еще видно?

— То, что ты устал. И что у тебя проблемы, — сказала честно. — Но это не мое дело.

Он молча кивнул.

Лиска выбежала с рюкзачком, весело болтая что-то про завтрашнюю лепку. Стас взял ее за руку.

— Ну что ж, до свидания, Варвара Петровна, — официально сказал он.

— До свидания. Постарайтесь завтра не опаздывать.

— Постараюсь.

Они пошли к машине, а я стояла и смотрела им вслед.

И о чем я думала? О том, что он все еще красивый О том, что его дочь — прелесть. И о том, что школьные обиды забыть не так-то просто, как хотелось бы?

Глава 7

Стас и разговор с женой

— Верни мою дочь, мудила!

Я отодвинул мобилу от уха, чтобы от Лилькиного крика не разорвало бошку.

— Вообще-то она такая же моя, как твоя. Ровно на пятьдесят процентов.

— Да что ты заливаешь! Василиса тебе даром не нужна. Ты просто мне нагадить мечтаешь. Ты ж только о своем футболе думаешь.

Я посмотрел на экран, желая убедиться, что яд не просочился по сотовой связи и не разъест мне экран.

— Это ты свои тайные планы озвучила? Отобрать у меня дочь из мести? Зачем тебе. У тебя Бали, ухажёры и красивая жизнь. А вдруг какой-то красавчик не захочет вешать себе на шею чужого ребенка? Будешь разведенка с прицепом и нах никому не нужна. Ты не подумала?

Пауза.
Правда что ли задумалась…
Не удивлюсь, впрочем.

— Верни дочь по-хорошему!

— А то что?

На данный момент мы ещё не в разводе, “думаем" положенное по закону время и оба имеем право проводить время с дочерью. Естественно, влиятельный тесть может найти тысячу и одну лазейку, но я уже связался с адвокатами и мы разработали стратегию.

Нужно доказать, что я хороший отец, что справляюсь со своими обязанностями прекрасно и со мной Лиске будет лучше, чем с матерью.

А я уже вчера проштрафился и опоздал за ней в сад. Если Варьку-толстопуз позовут свидетельницей, она непременно сдаст. Из ненависти. Я же вчера видел, как ядом исходилась. Так и не простила мне, что я ее в школе дразнил. Да все ее дразнили, не только я.

Она ведь мне даже нравилась в какой-то момент. Не как девушка, конечно.
Но как друг.
Она была честной, порядочной. Умной и доброй. Красивые девчонки в классе ходили гордые, носы задирали. Варька всегда всем помогала. Даже обидчикам. Даже мне пару раз помогла с учебой и выгородила перед директрисой.
Директриса и учителя ее любили, конечно. А одноклассники нет...
Мышью дразнили, толстопузом и усиленной подлизой. Я даже хотел как-то ей предложить протекцию в благодарность за помощь. А потом выяснилось, что она в меня встрескалась. Ну я и подумал, нафига мне эти сложности? Ещё решила бы, что защищаю ее потому

что тоже втрескался. Да меня б зачмырили потом пацаны. Ну я и послал ее. При всех. Чтоб точно больше не подошла.

— Ты слушаешь меня вообще?!

Я отвлекся, улетел мыслями в прошлое и ор жены отсеивал, как раздражитель.

Лилька сразу поняла. Она вообще ненавидела не быть центром вселенной. Если Их величество открывали рот, все должны были слушать. Не дышать и не моргать.

— Ну ты нормального ничего не сказала, только орёшь. Вот, молчу. Жду, когда надоест.

— Тварь ты, Аркелов. Отец всех адвокатов поднимет, но дочери тебе не видать. Контракта тебя уже лишили. Ирландцы от тебя отказались, отец позаботился. А безработному голодранцу с домиком в деревне дочь никто не отдаст. Здесь у нее все есть. Деньги, образование, любящая мать. А там что? Холодная вода, печка дровяная, туалет на улице и отец безработный алкаш? На что ты надеешься вообще.

От того, что многое правда, хотелось выть. Ларин уже понажимал на кнопки. Макс звонил и говорил, что клуб отказался от меня и расторг контракт. Ирландцы тоже прислали писульку, что, мол, не заинтересованы. Макс пытался впихнуть меня ещё в пару клубов — все воротят нос. Так что я в самом деле безработный и без перспектив. В деревянном домишке в глуши.

Да, Лилька ошибалась на счёт холодной воды и печки. У нас в деревне уже давно газовое отопление. Лет десять как. И водопровод. Ванная, душ, туалет и прочие удобства. Но это деревня. Глушь. Один магазин и тот обшарпанный.

А в городе элитные сады, развивашки, ,танцы-шманцы, музыкалка и художка. Все для ребенка и богатый дед впридачу.

— Верни дочь сегодня же, и я позволю вам видеться раз в месяц, — по-королевски щедро пообещала Лилька. Я послал ее в пешее эротическое и повесил трубку. Откинулся на холодный брус.

В детстве ненавидел эту нищету. Мечтал сбежать, вырваться, отмыться от вечной грязи размытых дождями дорог. И вот вернулся побитой собакой. Ни с чем.

Мать на кухне о чем-то тихо говорила с Василисой. Она приняла внучку легко и с радостью. Лиска, добрая душа, тоже сразу стала почемучкать. Ей нравилось новое приключение. И дом в деревне. И закатки, и компоты из трёхлитровых баллонов в подвале. Да и сам подвал тоже.

Мать наплела ей про грибы в подлеске и теперь Лиска требовала купить лукошко и всем срочно идти по грибы. Я сказал, пусть идут вдвоем раз так хочется.

Я запрокинул голову, глядя в ночное небо. Как все было просто в детстве. Казалось, непосильно и столько бед, но если сравнивать…

Помню, мы с матерью тоже ходили по грибы. Я опята больше всего любил. С луком на сковородке как пожарит, с картошкой — вместе с пальцами можно съесть.

Зиму здесь любил. Тогда дорога промерзала. Грязи не было. Встанешь в школу, все белое. Ни следа ещё. И топаешь первопроходцем прокладывать тропу. Мороз. Снег хрустит. Спать хочется, хоть в сугроб завались, а ты идёшь, как партизан к своим по ночному лесу.

А ещё снежки после школы… Мы с мальчишками ждали у дверей в засаде. Стоило девчонкам нос высунуть, в них со всех сторон снаряды летят. Варьке больше всех доставалось. Она ещё боялась и визжала, прикрывалась портфелем, пряталась и это было смешно. Потом осмелела классу к четвертому, стала гоняться за нами, чтобы портфелем накостылять по башке, да куда ей, колобку, нас догнать…

Хорошее было время. Я тогда такой был счастливый. Хоть и полуголодный и в залатанных носках. А теперь вот брендовые шмотки, машина крутая, а счастья не принесло. Ни город, ни деньги.

Я все бежал как марафонец. Гнался, а Варька никуда не бежала и сегодня казалась куда счастливее моего. В своем растянутом свитере оверсайз, в грязном после дождя Мухосранске. И счастливая.

Как так-то?

Глава 8

— А мы ужин состряпали! — Гордая Лиска высунулась из дверей. Светлая голова — как белый флаг на коне сумеречного неба. Состряпали… это она от матери уже нахваталась, конечно.

— А ну кыш в дом, холодно! — строго велел я, поднимаясь дочери навстречу.

Василиса послушно (мстительно) захлопнула дверь перед моим носом. Сам же сказал, срочно кыш.

Я усмехнулся. Дёрнул за ручку. Держит. Постучал:

— Кто-кто в теремочке живёт? Пустите переночевать?

— А ты не медведь? Нам домик не порушишь толстой попой? — послышалось из-за двери.

Я почему-то сразу Варьку вспомнил…

Как ей кто-то стул подкрутил, а когда она села и стул под ней сложился, все ржали, что толстопопая Варвара стул обезвредила.

— Не медведь, я зайчик. Очень стройный и быстрый.

Лиска по-хозяйски открыла дверь, приглашая войти:

— Никакой ты не зайчик. Бабушка сказала ты был беспорядочный мальчик! — заявила моя дочь, топая по деревянному полу на свет из кухонной арки.

— Это ещё почему? — Я пошел следом и бросил на мать строгий взгляд. Та смотрела с удивлением. Как будто не говорила такого.

— Потому что бардачный! Бабушка сказала, у тебя вечно был беспорядок!

— А, в этом смысле…

Спорить тут бессмысленно, аккуратистом я в детстве никогда не был. Сейчас, кстати, тоже не бог чистоты. Ну не люблю я это дело, что теперь. Не всем быть фанатами уборки. Моя уборка простая — меньше хлама, меньше пыли. Правда, с ребенком этот принцип не очень работает.

— Это она ещё твою детскую не видела по вечерам. До прихода Нины Васильевны.

Нина Васильевна — наша домработница, приходила по утрам. К вечеру обычно комната Лиски напоминала свалку. Привычки складывать на место у дочери не было. Генетика, видимо.

— А мы когда домой? — тут же уточнила Лиска.

— Пока погостим ещё у бабушки. Надоело уже?

Быстро как… наверное, за кучей своих игрушек скучает. Собирались мы в спешке, взяли только самое любимое.

— Не прям так. Немножко…

Я ополоснул руки прямо в раковине. В детстве у нас в ванной умывальника не было. Пользовались этим и для умывания, и для готовки. Это потом уже отдельная комната появилась для всяких удобств. А первые лет семь на ночь ведро в сенях ставили, чтобы в огородный домик по холоду и темноте не бегать.

Я сел за стол рядом с Василисой. Дочь деловито, как хозяйка, положила мне пюре с котлетой.

— Я сама лепила! — похвастались она гордо. — С бабушкой.

Как быстро они нашли общий язык…

С одной стороны меня это радовало, будет меньше по матери тосковать. Да и всяко девочке важно женские вопросы с кем-то обсуждать… А с другой…

Я стал есть, не поднимая глаз с тарелки.

Простая, вкусная еда. Без изысков, как в детстве.

Лилька простоту не любила. Подача у нас всегда была как в ресторане. Правда, готовила не жена, а повар Лариных. Тести всегда присылали с водителем нам готовый ужин. В остальное время работала доставка из кафе.

— Как твой первый день в саду?

— Хорошо! Варя мне косички заплела.

Лиска довольно уплетала свою порцию, аж за ушами трещало, как отчим любил говорить.

— Варвара Петровна — перебил я вместо того, чтобы восхититься растрёпанными уже косами. Все равно выглядело лучше, чем мои жалкие потуги с утра.

— Что?

— Говорю, что воспитательницу надо по имени отчеству называть.

— Но, Варя сказала…

— А я говорю, как говорю я.

Отчего-то мгновенная очарованность воспиталкой меня раздражала.

Хер ее знает, что она дочери, из мести, про меня напоет. Вон сегодня как расщебеталась. А мне сейчас никак нельзя никакого негатива. Я перед судом должен быть чистенькой, как рубашки после кислородного отбеливателя.

— Ко взрослым нужно обращаться по имени отчеству. Исключение только близкие родственники.

Лиска кивнула и насупилась.

Мой вариант ей нравился меньше Варькиного.

Ну что за глупость вообще позволить детям себя по имени называть?! Никакой субординации в системе…

Мать встала из-за стола. За ужином она молчала и делала вид, что наш разговор ее не касается.

Я вспомнил, что пока сидел на крылечке, они тут вдвоем весело болтали.

Стало как-то неуютно и захотелось поскорее уйти. В свою комнату спать или хоть куда-то, от ощущения лишнести.

Когда приехал, без звонка, просто как снег на голову, не знал, какой реакции ждать. Мать молча открыла двери. Бросила на меня настороженный взгляд и уронила сухое: “Здравствуй, Стас. Это дочка твоя?".

Я кивнул, мать отошла в сени, пропуская нас войти. Без лишних вопросов, как будто только утром уехал. Напряжение висело между нами волейбольной сеткой. Вроде видишь человека, но весь в клеточку. И как будто по другую сторону поля. Соперник.

— Это бабушка твоя, Василиса.

Лиска кивнула. Замерла рассматривая бабушку и, как свойственно всем детям, прямо спросила:

— А баба Марина меня всегда сразу обнимает, когда прихожу. Тут так не положено?

Мать замешкалась, стушевалась. Бросила на меня неуверенный взгляд и присела на корточки.

— Так давай обниматься?

Василиса сделала шаг вперёд и первой раскрыла руки.

Я смотрел и вспоминал, как мать забирала меня с сада. Вот так же, присев, ждала, что я выйду из группы и обниму ее после долгого дня разлуки.

А потом я вырос и стал стесняться этих телячьих нежностей. Особенно перед ребятами на футболе, куда меня тоже водила мать. Отчим работал посменно. А мать всегда отпрашивалась, чтобы за мной успеть.

Сейчас-то, вечно опаздывая туда и сюда в своем родительстве, я понимаю, как нелегко было свести работу, материнство и быт.

Тогда же очень злился, если приходилось ждать ее, когда всех остальных детей уже забрали.

— Чай налить? — спросила мать, вырвав меня из воспоминаний.

— Не нужно, спасибо.

Она кивнула, отставила чайник и включила воду, чтобы мыть посуду.

— А мне какао налить можно?

— Доешь сначала, — велел я, поднявшись и положив под струю свою тарелку.

— Где какао у нас?

Продукты мы купили, но раскладывала все мать сама. Она же хозяйка. Так что я понятия не имел где что искать. Все очень изменилось с моего последнего приезда. Я даже не был уверен, впустит ли…

— В шкафу слева.

Я взял пачку горячего шоколада, достал молоко из холодильника.

— Нет! — возмутилась Лиска. — Пусть бабушка сделает. У нее вкуснее выходит.

Я пожал плечами, бросил ложку в чашку и отошёл. Странное чувство, как будто меня вытесняют из жизни дочери со всех сторон. Лилька, которая лучше меня деньгами. Варька, которая умеет косички, мать, у которой какао вкуснее.

А я?

Что могу предложить Лиске я, кроме отцовской любви?

Будет ли она со мной счастлива на одной этой любви или Лилька права и в городе у дочери будет будущее, а тут болото?

Правильно ли я сделал, что увез ее?

Не выскажет ли она мне в четырнадцать, что лишил ее семьи и нормальной жизни?

И будет между нами Антарктида, как между мной и матерью…

Глава 9

Я стояла у прилавка единственного в деревне магазина и пыталась решить самую важную проблему вечера: взять ли мне пельмени или все-таки пожарить картошку. С одной стороны, пельмени — это быстро. С другой — картошка с луком и сметаной звучит куда аппетитнее, особенно после дня, проведенного с двадцатью пятилетками.

— Варенька, ты чего такая задумчивая? — Тетя Галя, наша продавщица, с любопытством уставилась на меня поверх очков. — Гости что ли придут?

— Да нет, тетя Галь, — я машинально взяла пачку пельменей. Все-таки готовить после работы лень. — Просто думаю о высоком.

— О высоком, говоришь... — протянула она многозначительно и склонилась ко мне через прилавок. — А я слышала, что у нас теперь знаменитость объявилась!

Н-да, в нашей деревне новость о появлении Стаса Аркелова распространилась быстрее, чем вирус в детском саду.

— Ну, не то чтобы знаменитость…

— Да ладно тебе! Футболист, красавец, богатый! — тетя Галя аж всплеснула руками. — Весь интернет о его разводе трубит. Я вот вчера у внучки видела...

Она полезла под прилавок и выудила оттуда потрепанный глянцевый журнал.

— На, почитай! Тут все про него написано!

Я неохотно взяла журнал. На обложке красовалась фотография Стаса в футбольной форме — красивый, уверенный, с той самой улыбкой, от которой когда-то у меня коленки подгибались. А рядом крупными буквами: "СКАНДАЛЬНЫЙ РАЗВОД ГОДА! Станислав Аркелов и Лилия Ларина: кто виноват?"

— Читала уже? — не унималась тетя Галя.

— Нет еще, — полистав страницы, нашла нужную статью. Так вот почему они здесь. Вот почему Стас выглядел таким измотанным.

— Ну что, жалко его? — тетя Галя смотрела на меня с плохо скрываемым любопытством.

— Жалко ребенка, — честно ответила я, возвращая журнал. — Дочку его жалко. Ей всего пять, а она уже в центре всего этого... балагана.

— А его не жалко? Красавца-то нашего? Помнишь, как по нему в школе вздыхала?

Вот черт. Даже тетя Галя об этом знала. Хотя чему я удивляюсь? В нашей деревне все про всех все знают. Наверное, даже коровы Петровых в курсе моих школьных влюбленностей.

— Тетя Галь, это было сто лет назад, — я постаралась говорить как можно более равнодушно. — Я тогда вообще дурочкой была.

— Дурочкой, говоришь... — она хитро прищурилась. — А по-моему, ты и сейчас на него не так смотришь.

— Теть Галь!

— Ладно-ладно, не кипятись. С тебя четыреста пятьдесят рублей за пельмени.

Я расплатилась и уже собралась уходить, когда тетя Галя окликнула меня:

— Варенька! А ты его пожалей малость. Мужик-то страдает, видать. Мать его говорила, что они с ним даже не разговаривают толком. Десять лет не виделись!

Кивнув, вышла из магазина. На улице уже смеркалось, осенний день короткий. Я шла домой, прижимая к груди пакет с покупками, и думала о Стасе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.